

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РЕТРОСПЕКТИВЕ

Издание четвертое

Это полностью переработанное четвертое издание книги, которая получила известность как единственный в своем роде учебник по истории экономической мысли. Преподаватели, в течение длительного времени сетовавшие на антикварный дух многочисленных книг в этой области, будут приветствовать такую работу, в которой анализируются теории, а не теоретики, и внимание концентрируется на логической структуре и содержании магистрального направления экономической мысли, не растворенных в биографических материалах и исторических отступлениях.

Студенты, утомленные чтением комментариев о великих экономистах из вторых рук, в действительности несколько не приближающих их к оригинальным шедеврам экономической науки, обретут свежее восприятие с помощью приведенных в книге путеводителей: глава за главой и иногда абзац за абзацем автор проводит нас по страницам главных работ Адама Смита, Давида **Рикардо**, Джона Стюарта Милля, Карла Маркса, Альфреда Маршалла, Филипа **Уикстида** и Кнута Векселя. Система аннотированных библиографических комментариев ориентирует читателя в том огромном массиве научной литературы, который вырос вокруг этих классиков.

Последние главы книги о денежной теории и макроэкономике были полностью переработаны для настоящего издания с целью отразить усиление влияния монетаризма и теории рациональных ожиданий. Нескончаемая дискуссия о том, **что** на самом деле имел в виду Кейнс, вылилась в тщательную переработку соответствующей главы, характеризующей последовательные стадии почти полувековой на сегодняшний день истории трактовок Кейнса. Появилась совершенно новая глава об истории теории размещения, предмете, практически полностью игнорируемом в других книгах по истории экономической мысли. Внесены незначительные изменения в главы о Марксе и Рикардо в начале книги и значительные изменения — в главы о теории предельной производительности и экономической теории благосостояния в ее середине: новые разделы по истории понятия предпринимательства и недавние результаты в непрекращающейся полемике о ценообразовании в коммунальной сфере хозяйства на основе предельных издержек. Наконец, разумеется, основательно обновлены Рекомендации к дальнейшему чтению по темам.

Предисловие к русскому изданию

Интерес экономистов к истории своей науки (как и к методологии экономического анализа) носит, если можно так выразиться, дискретный характер. Вопрос о том, как решали те или иные проблемы экономисты прошлого, неизменно возникает тогда, когда существующая теория не справляется с объяснением жгучих проблем современности. Отсюда следует, что в истории еще не было столь благоприятного места и времени для изучения истории экономической мысли, как Россия наших дней. После того, как марксистская парадигма экономического анализа была отправлена "на заслуженный отдых", в области экономической теории у нас образовался некий вакуум, который, естественно, заполняется некритически заимствованными фрагментами западной экономической теории. Слово "фрагменты" употреблено не случайно. Дело в том, что современная западная экономическая наука не знает такого жанра, как типичный для прошлого века трактат под названием "Принципы политической экономии", в котором в единую систему увязываются все экономические закономерности. Отдельные отрасли экономического анализа настолько специализировались, **что** даже самые синтетические **умы** не способны создать оригинальную теорию, охватывающую все. Но то, что невозможно на уровне теории, возможно на уровне учебника или истории. Однако учебники по самой специфике данного рода литературы должны представить сильно упрощенную (часто до примитивности), гладкую картину современного состояния экономической науки, **где** многие противоречия, нерешенные проблемы и дискуссии аккуратно "заметаются под диван". Гораздо более интересна для вдумчивого читателя история становления того, что называется современной западной экономической теорией. Будучи представлена в развитии, в контексте научной дискуссии, с учетом несовершенств и разногласий, эта теория перестает казаться "священными скрижалями" и вместе с тем становится попросту более понятной. Поэтому мы настоятельно рекомендуем всем серьезно изучающим современную западную экономическую теорию использовать в качестве путеводителя книгу Марка Блауга "Экономическая мысль в ретроспективе". Почему именно ее? Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется несколько подробнее углубиться в историографию экономической **мысли**.

Первым историям экономической мысли мы обязаны энциклопедиям (начиная со статьи Дж. Мак-Куллоха о политической экономии для Британской энциклопедии). В остальном же экономисты прошлого века занимались теориями своих предшественников для того, чтобы, указав на их "недоработки", обосновать предлагаемую данным автором альтернативу. Особое распространение этот жанр получил в Германии, где исторический подход традиционно играл большую роль в методологии общественных наук. Некоторые произведения немецкой исторической школы представляют собой, по сути дела, критическую историю классической политической экономии плюс рекомендации по созданию альтернативной теории *.

* См., например, работу Б. Гильдебранда "Политическая экономия настоящего и **будущего**" — русское издание 1860 г. С тех же позиций исторической школы написана и наиболее известная история эконо-

Наиболее же выдающимся примером этого жанра являются, пожалуй, знакомые нашему читателю **"Теории прибавочной стоимости"** Карла Маркса. Для всех авторов **"критических историй экономической мысли"** исторический анализ не имел самостоятельного значения и, по сути дела, представлял собой часть логического обоснования их собственной концепции.

В конце XIX — начале XX века на базе новой маржиналистской парадигмы произошла профессионализация экономической науки и одновременно курсы истории экономической мысли появились в учебных планах университетов. Правда, большинство учебников напоминало либо жития святых, либо **"монументальные коллекции ошибок"**.

Немногочисленными приятными исключениями из общего правила были: книга Ш. Жида и Ш. Риста **"История экономических учений"**, а также работы: **Gray A. The Development of Economic Doctrine: an Introductory Survey**. London, 1931; **Roll E. A History of Economic Thought**. London, 1938.

Новый этап в развитии истории экономической мысли связан с посмертным выходом в свет в 1954 г. монументального труда Й. Шумпетера **"История экономического анализа"**^{**}.

Шумпетер поставил перед собой цель создать именно историю *анализа*, проследить за эволюцией исследовательских инструментов экономиста-теоретика независимо от его мировоззрения, исторического контекста и политических рекомендаций (хотя фактически его огромная монография содержит намного больше материала, включая экскурсы в историю, политику и развитие других наук).

После выхода в свет **"Истории экономического анализа"**, задавшей высокую точку отсчета и способствовавшей более ясному пониманию западными историками экономической мысли своих задач и возможностей, произведения **их** как бы разделились на два потока. Их можно было бы, прибегнув к гегелевской терминологии, охарактеризовать как **"историческое"** и **"логическое"** направления.

Прекрасными образцами первого рода сочинений являются **"Types of Economic Theory"** У.К. Митчелла (написанные, впрочем, еще до опубликования шумпетеровского **magnum opus'a**), **"Worldly Philosophers"** Р. Хайлбронера, **"Economics in Perspective"** Дж. К. Гэлбрейта. Наш читатель хорошо знаком с достойным представителем этого жанра — книгой А.В. Аникина **"Юность науки"**.

Среди авторов этих работ не случайно преобладают институционалисты: **"историческое"** направление в первую очередь подчеркивает контекст, в котором возникла та или иная теория — историческую стадию; социально-политическую обстановку, из которой вытекает тот или иной **"социальный заказ"**; идейную среду, включающую достижения как общественных, так и естественных наук, а также философскую моду данного времени. Авторы такого рода исследований любят обогащать их биографическими деталями, проследивать влияние на великих экономистов тех или иных событий в их жизни. Большое внимание уделяется специфике отдельных школ и направлений в экономической науке.

Иными словами, экономические идеи представляются в их исторической неповторимости.

С одной стороны, это, безусловно, полезно (а порой просто захватывающе интересно) и помогает нам лучше понять систему взглядов каждого великого экономиста, избежав искажений, вызванных разным историческим опытом автора и **читателя**.

С другой стороны, такой подход не дает нам проследить внутреннюю логику развития и совершенствования экономической теории, развития идей во времени. Отсутствует надежная база для каких-либо сравнений: мы не можем сказать, что

мической мысли в Англии прошлого века — книга Дж. Ингрэма (он не был, правда, оригинальным экономистом) **"История политической экономии"** (русские издания 1891 и 1897 гг.).

• Boulding K. *After Samuelson who needs Adam Smith?* // *Journal of the History of Political Economy*. 1971. V. 3.

^{**} Перевод первых двух глав см. в сборниках **"Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли"**. Вып. 1, 2. М.: Экономика, 1989, 1990.

теория ценности Маршалла превосходит теорию Смита, точно так же как не можем на каких-либо объективных основаниях отдать Сезанну предпочтение перед Леонардо (или наоборот). Кроме того, — и это, наверное, самое важное, — такая история не имеет непосредственной связи с современным состоянием экономической науки. (Косвенная связь по аналогии или ассоциации, конечно, присутствует.)

Второе, "логическое" направление объединяет прямых продолжателей методологических установок Шумпетера. Они пишут историю не людей или направлений, а идей, причем точкой отсчета служит не **прошлое**, а **настоящее**, сегодняшнее состояние теории. В основе такого подхода, очевидно, лежат предпосылки о единстве экономической теории как науки, решающей некоторый постоянный набор проблем во все времена, о кумулятивном росте экономического знания и прогрессе инструментов экономического анализа.

Поскольку работа Шумпетера осталась неоконченной и не была предназначена для использования в качестве учебника, то, по сути дела, первым и наиболее популярным по сей день учебником истории экономического анализа стала как раз книга Марка Блауга **"Экономическая мысль в ретроспективе"**, четвертое издание которой держит в руках читатель. Это именно изложение современной экономической теории в ее историческом развитии, что делает книгу в чем-то уникальной: она живет и изменяется вместе с прогрессом современной экономической науки, что легко проследить, сравнивая между собой ее издания. При этом автор, обладая замечательным историческим чутьем и тактом, избегает опасности анахронизмов, искусственного модернизирования экономистов прошлого.

Теперь настала пора представить проводника, который будет сопровождать **нас** по заповедной для нашего читателя области истории современного экономического анализа.

Марк Блауг родился в 1927 г. в Гааге (Нидерланды). Получил экономическое образование в США, в **Нью-Йорке**: он стал бакалавром по окончании Куинс-колледжа в 1950 г., получил звания магистра (1952) и доктора философии (1955) в Колумбийском университете.

Первоначально Блауг работал ассистентом в **Куинс-колледже**, затем прослужил два года (1952—1953) в министерстве труда США. Следующее десятилетие его жизни связано с преподаванием в Йельском университете и интенсивными занятиями историей и методологией экономической науки. В 1958 г. выходит его первая монография: **"Ricardian Economics: a Historical Study"** — один из первых откликов на возрождение интереса к **рикардианству** и марксизму в 1950-е годы, когда началась публикация десяти томного собрания сочинений Рикардо под редакцией Сраффы и Добба и были переведены на английский язык и опубликованы отрывки из "Теорий прибавочной стоимости" Маркса. В 1962 г. в США увидело свет первое издание "Экономической мысли в ретроспективе" — книги, сделавшей имя автора всемирно известным (она была переведена на итальянский, немецкий, португальский, японский, французский и испанский языки).

С 1963 г. Блауг живет в Англии и работает в Лондонском университете (сотрудничая также с другими университетами Англии, Европы и Америки). В 60-е гг. он интенсивно занимается экономикой образования, продолжая линию исследований, начатую в американском министерстве труда. Применяя теорию человеческого капитала, Блауг занимается прикладными исследованиями, строит прогнозы рабочей силы и занятости, разрабатывает планы развития и формы финансирования образования для различных стран мира. По линии Международной организации труда он посещает Эфиопию, Филиппины, Судан и Лесото, в составе миссии Мирового банка работает в Индии и Китае. Результаты этих исследований отражены в монографиях Блауга: **"The Causes of Graduate Unemployment in India"** (1969), **"An Introduction to the Economics of Education"** (1970), **"Education and the Unemployment Problem in the Developing Countries"** (1973), **"The Practice of Manpower Forecasting"** (1973), **"The Economics of the Arts"** (1976).

С середины 70-х гг. постоянное увлечение Марка Блауга — экономическая теория и методология — снова выходит на первый план (но не следует забывать, что в 1968 г.

в **Англии** вышло второе, значительно переработанное издание "Экономической мысли в ретроспективе"). В 1974 г. выходит монография **"The Cambridge Revolution: Success or Failure?***, а в 1980 г. — **"The Methodology of Economics"**, которая сыграла в области методологии экономических исследований примерно такую же роль, как "Экономическая мысль в ретроспективе" в области истории экономического анализа. Огромен вклад Блауга в создание биографических и библиографических справочников о крупнейших экономистах мира. Он является автором популярной книги **"The Great Economists after Keynes"**, под его редакцией вышло уже два издания всеобъемлющего справочника **"Who is who in Economics"**. Выйдя на пенсию и покинув кафедру экономики образования Лондонского университета, Марк Блауг продолжает интенсивную преподавательскую, научную и издательскую работу. Он читает лекции в Бэкингемском и Эксетерском университетах. В настоящее время под его редакцией выходит многотомная серия **"Schools of Thought in Economics"**, одна за другой появляются новые книги по экономической теории: **"Great Economists Before Keynes"** (1985), **"Economic History and the History of Economics"** (1986), **"Economics of Education and the Education of an Economist"** (1987), **"Economic Theory: True or False?"** (1989), второе, переработанное издание **"The Methodology of Economics"** (1992). В 1989 г. Марк Блауг был избран членом Британской академии.

Теперь несколько слов о самой книге, предлагаемой вниманию читателя (необходимости в долгих комментариях здесь нет, поскольку основному тексту книги предпосланы авторские предисловия к четырем изданиям). Перед нами, по сути дела, учебник для бакалавров западных университетов. Он предполагает сравнительно высокий уровень теоретической подготовки и труден не только для нашего, но и для среднего западного читателя. Для нас, российских экономистов, это в известном смысле книга "на вырост". Однако знакомство с ней не следует откладывать на потом. Даже не углубляясь в технические тонкости анализа, читатель с гарантией получит адекватное общее представление о современном состоянии и историческом пути западной экономической науки из весьма авторитетного источника. Очень полезны нашему читателю блауговские "путеводители" — комментарии к наиболее знаменитым произведениям западных экономистов, большая часть которых вовсе не переведена на русский язык или является библиографической редкостью, и списки рекомендованной литературы, завершающие каждую главу.

Итак, пожелаем нашему читателю увлекательного путешествия по трудным дорогам экономического анализа в компании Марка Блауга.

В. С. АВТОНОМОВ

Некто сказал: "Ушедшие от нас авторы далеки от нас потому, что мы знаем намного больше, чем они". Совершенно верно, но все, что мы знаем, мы знаем благодаря **им**.

Т. Элиот

Мы полагаем, что для усовершенствования теоретической дискуссионной науки желательна известная множественность авторитетов. Ущербная склонность учителей к вдалбливанию, а учеников к зубрежке изречений и метафор избранного автора может быть преодолена только через отречение от слепой веры тех, кто, подобно древним римлянам, **"спеши́т** впасть в рабство". Следовательно, в политической экономии, как и в философии, история теории особенно поучительна. История и литература, диалектика и все то, что греки исчерпывающе именовали "логос", представляется наилучшим средством от узких предрассудков и обманчивых ассоциаций, которые с неизбежностью усваивались теми, кто ограничивал себя рамками единственной теоретической школы или системы.

Ф. Эджуорт

Предисловие

Первое издание

Эта книга представляет собой исследование логической структуры и объяснительной ценности так называемой ортодоксальной экономической теории. История этой доктрины простирается по крайней мере до Адама Смита. Однако я рассматриваю исторических предшественников не ради их самих. Моя цель — преподать читателю современную экономическую теорию. Но современная теория покрыта шрамами вчерашних проблем, ныне разрешенных, вчерашних промахов, ныне выправленных, и не может быть полностью понята, если не рассматривать ее как наследие прошлого. Это и есть причина, в силу которой я предпочел изложение проблем в историческом ключе. Тем не менее акцент сделан на теоретическом анализе, незамутненном занимательными историческими отступлениями или биографическим приукрашиванием.

Студентам часто говорят о вдохновении, черпаемом из изучения истории экономической теории. Им **не** так часто напоминают о вдохновении, которое исследователь истории экономической мысли получает от изучения современной экономической теории. Верно, что не следует изучать современную теорию цены, не зная Адама Смита. Но не менее верно и то, что не следует читать Адама Смита до изучения современной теории цены. Между прошлым и настоящим экономическим мышлением существует взаимодействие, потому что независимо от того, излагаем **ли мы** их кратко или многословно, каждым поколением история экономической мысли будет переписываться заново.

Изучение истории экономической теории имеет *raison d'être* (право на существование — фр.) в той мере, в какой оно поощряет студента к знакомству с некоторыми великими первоисточниками. Именно по этой причине я включил в текст читательский путеводитель по работам Смита, Рикардо, Милля, Маркса, Маршалла, Уиксиды и Викселля. Невозможно переоценить важность чтения оригинальных источников в такой науке, как экономическая. Наверное, многие из нас после прочтения комментария к какой-либо великой книге возвращались к оригинальному тексту и обнаруживали, что книга содержит намного больше того, что мы были склонны от нее ожидать. Комментарии аккуратны и последовательны, а великие книги — нет. Вот почему стоит читать великие книги.

Я хочу выразить мою признательность Х. Баркаи, Б. Балассе, У. Фелнеру, Т.У. Хатчисону, Р.Л. Мику и Г. Шеперду, которые прочитали часть рукописи и сделали много полезных предложений. Я также благодарен моим многочисленным аспирантам, которые время от времени убеждали меня сойти с моего любимого конька. Далее, я должен поблагодарить мисс Маргарет Лорд за ее стилистические улучшения и миссис Э. Грэнджер за быструю перепечатку рукописи.

Я в долгу перед следующими издателями за **разрешение** ссылаться на работы, опубликованные ими: Harper and Brothers — J. Viner, *Studies in the Theory of International Trade*, copyright 1937; University of Chicago Press — *Adam Smith, 1776-1926*, ed. J.M. Clark, and others, copyright 1928 by the University of Chicago, and G.J. Stigler, "The Development of Utility Theory, II", *Journal of Political Economy*, October, 1950; Harcourt, Brace and World

— J. M. Keynes, *The Economic Consequences of the Peace*, copyright 1919; *Review of Economic Studies* — O. Lange, "Marxian Economics and the Modern Economic Theory", *Review of Economic Studies*, June, 1935; The Macmillan Company — A. Marshall, *The Principles of Economics*, copyright 1930, and K. Wicksell, *Lectures in Political Economy*, copyright 1934; and Routledge and Kegan Paul — P. Wicksteed, *The Common Sense of Political Economy*, copyright 1934.

Нью-Хейвен, Коннектикут
Ноябрь 1961 г.

М.БЛАУГ

Предисловие

Второе издание

То, что я старался сделать в этой книге, настолько часто неверно воспринималось, что я полагал бы необходимым вновь заявить о моих целях. Сталкиваясь с ультрамарксистским тезисом, согласно которому экономическая теория данного периода является не чем иным, как отражением преобладающих исторических и политических обстоятельств, я задавался вопросом, не является ли диаметрально противоположный тезис — экономическая теория ради экономической теории — таким же обманчивым. Допустим, что нам удалось бы прочитать историю экономической теории, которая не содержала бы описания каких-либо событий нетеоретического характера. Будет ли она менее поучительной по сравнению с типично марксистским или квазимарксистским представлением? Конечно, она была бы ограниченной и неадекватной, но это типично для всех монокаузальных интерпретаций интеллектуальной истории. Совершенно очевидно, что многое из того, что мы сегодня считаем экономической теорией, имело свое начало в ответах интеллектуалов на основные нерешенные политические вопросы. Адам Смит и меркантилистские ограничения, Давид Рикардо и трудности обеспечения Британии продовольствием из собственных ресурсов, Кейнс и проблема массовой безработицы 1930-х годов — вот наиболее часто приводимые примеры этого. Но равно очевидно — **и** на этом **следует** настаивать, **—** что значительная часть истории экономической мысли сосредоточена вокруг ошибок в логике и пробелов в анализе и не имеет связи со злободневными событиями. Таким **образом**, не претендуя на то, что перед нами — вся история или даже большая ее часть, но полагая, что эта часть редко рассказываемая, я попытался написать историю экономического анализа, представляя ее как эволюцию предшествующего анализа, продвижение вперед в желании улучшить, усовершенствоваться — желании, которое экономисты разделяют со всеми остальными учеными. В таком подходе заключена опасность. Как говорил Френсис Бэкон свыше 300 лет назад: "Если разум человека занят предметом, который есть созерцание создания Божьего, то его работа соответствует этому предмету и им ограничивается, но если он занят сам собой, уподобляясь пауку, ткущему свою сеть, тогда работа бесконечна и порождает лишь паутину учености восхитительно тонкой работы, но не дает ничего — держательного, никакой **выгоды**" (*The Advancement of Learning*. London, 1865. P. 32).

Эта книга — вся о таких **"паутинах"** учености, но мы постоянно будем спрашивать себя: "А как насчет содержательности и выгоды?"

Как и в первом издании, мы начинаем с меркантилистов XVIII века, а не со средневековых схоластов или с Платона и Аристотеля. Без сомнения, греки внесли свой вклад в историю экономической мысли, но их экономические идеи были столь тесно связаны с их другими взглядами, что только полномасштабное изложение греческой философии и особенно греческой политической теории позволяет отдать должное этим идеям. Аналогичный анализ схоластами ростовщичества сам по себе замечателен, но объяснение средневековой католической доктрины, которое необходимо для того, чтобы не допустить **неправильного** понимания схоластических рассуж-

дений, поглотило бы больше места, чем может быть позволено в книге такого рода. Экономическая теория как самостоятельная отрасль исследования не возникает до XVII века — возможно, потому, что экономические сделки в предшествующие столетия не интегрировались на национальном или даже региональном уровне, возможно, потому, что экономические системы строго ограничивались военными или политическими соображениями, возможно, потому, что экономическим мотивам было позволено воздействовать лишь на некоторые аспекты общественного поведения. Неясно, почему до XVII века все экономические рассуждения велись *ad hoc*, были несистематическими и не признавали экономическую деятельность независимой сферой; но что это было так, опровергнуть трудно. И поскольку эта книга скорее об экономической теории, чем об экономистах, мы не будем принимать в расчет то, что можно назвать "палеонтологией" предмета.

Как и прежде, повествование доводится до нашего времени, примерно до 1960-х годов, хотя в настоящем издании больше, чем в первом, материалов по анализу деятельности, экономической динамике, теории благосостояния, моделям роста и техническим сдвигам — вопросам, которые доминировали в экономической теории в недавние годы. Раскрывая карты, следует сказать, что добавлены новые разделы в главы об Адаме Смите и Джоне Стюарте Милле, знакомящие с их взглядами на роль государственного сектора; понятие "единый налог" обсуждается ныне в некоторых деталях в главе о населении и ренте; дополнен анализ моделей роста Харрода-Домара в главе о законе Сэя; к главе о Марксе добавлен новый раздел о ленинской теории империализма; ко второй главе о Маршалле добавлен новый раздел о теории монополистической конкуренции; основательно пересмотрена глава о теории предельной производительности, и теперь она содержит новый раздел об инновациях и относительных долях факторов; основательно переписаны главы о Вальрасе, Парето и Кейнсе; последняя глава книги "Методологический постскрипtum" расширена до эссе о перспективах экономической теории; почти каждая страница первого издания подверглась некоторым исправлениям и, хотелось бы думать, улучшениям. Книга стала лучше, хотя читателям судить, была ли она хорошей в первом издании.

Для того чтобы побудить студентов сомневаться во всех комментариях, включая принадлежащие автору этой книги, данное издание подобно первому содержит подробный путеводитель по семи основным работам из истории экономической мысли. Но поскольку некоторые рецензенты первого издания сочли, что путеводитель мог быть воспринят скорее как небесами посланная шпаргалка, чем как стимул для обращения к подлинникам, мне бы хотелось предостеречь читателей: путеводитель не является ни кратким изложением, ни *précis* (краткий курс, очерк — фр.); он представляет собой беглые комментарии и в большей мере содержит то, что великие экономисты могли иметь в виду, чем то, что они действительно говорили. Короче говоря, он специально предназначается для того, чтобы стимулировать мысль, и студенты, которые используют его в качестве суррогата оригиналов, уподобляются знатокам марочных вин, которые рассматривали старые бутылки, но никогда не пробовали их содержимое.

Я хочу поблагодарить К. Куботу, Е. Куску и Р.М. Олсена за сделанные ими конкретные предложения, которые вошли в это пересмотренное издание. Я в долгу перед мисс Р. Тауз и мисс М. Вудхолл за их безжалостное приписывание всей рукописи: мы были друзьями, когда начинали, но поразительно, что мы друзья до сих пор.

Лондон, Англия
Январь 1968г.

МАРК БЛАУГ

Предисловие

Третье издание

Первое издание этой книги появилось в 1962 г., к тому времени история экономической мысли фактически исчезла как предмет преподавания в британских и американских университетах. В примечательной статье, опубликованной в том же году под заголовком **"Какова ценность истории экономической мысли?"**, Дональд Уинч разъяснял, почему большинство экономистов мало знают и еще менее питают интерес к истории их собственной отрасли знания: благодаря недавним достижениям в современной экономической теории экономисты все более и более приходили к убеждению, что они готовы давать новые ответы на новые проблемы или, по крайней мере, лучше, чем раньше отвечать на старые; такая самоуверенность, естественно, снижает интерес к предшественникам и **предтечам**. Благодушные **60-х** годов, однако, сменилось беспокойностью 70-х. В настоящее время в экономической теории наблюдается всеобъемлющее и неоднократно выраженное ощущение **"кризиса"**. Частично это выразилось в ее неспособности охватить такие значительные современные экономические проблемы, как стагфляция, загрязнение окружающей среды, половая и расовая дискриминация на рынках труда. Следствием такой неспособности взяться за решение главных экономических проблем дня стало обращение к переживаемым бурное развитие альтернативным экономическим доктринам, таким, как радикальная политическая экономия, неомарксистская и посткейнсианская экономические теории, которые претендуют на то, чтобы высветить нерешенные проблемы, и при этом сначала подвергают критике, а затем и отбрасывают основное направление современной экономической теории (*mainstream*). Если тезис Уинча справедлив, нам следует ожидать, что текущие опасения о состоянии современной теории вызовут оживление интереса к истории экономической мысли. И действительно, признаки такого оживления появились и выражаются в половодье статей и **книг** по истории экономической теории в последние несколько лет; не говоря уже о возрождении курсов по истории мысли на экономических факультетах всего мира.

То, что было восстановлено, однако, не стало в полной мере той милой нашему сердцу старой историей экономической мысли, которую мы знали пятнадцать или двадцать лет назад. Одни доказывали, что мы долго представляли в ложном свете историческую эволюцию современной экономической теории: так называемая маржиналистская революция 1870-х годов вовсе не была крупным прорывом, который ознаменовал пришествие современной техники анализа, но, напротив, представляла собой окольный путь, отход от более плодотворной линии, восходящей к Рикардо и Марксу; отправляясь от Рикардо и Маркса, с одной стороны, и от Кейнса — с другой, можно было создать экономическую теорию, полностью отличную от восходящей к Вальрасу и Маршаллу, которая господствует сегодня в учебниках. В другом варианте современный экономический анализ может сочетаться с Марксом или Вебленом для выработки новой теории, которая должна заменить господствующую ортодоксию. Другие, не возражая против Вальраса и Маршалла, считали, что кейнсианская макро-

экономическая теория неверно трактовалась в современных учебниках и что кейнсианская теория, какой мы ее знаем, имеет слабое сходство с экономической теорией самого Кейнса. Аргументация такого рода обнаруживает в истории экономической мысли вопросы, многие из которых долгое время считались закрытыми. Достаточно сказать, что история экономической мысли сегодня, кажется, становится ареной, на которой некоторые из этих дискуссионных вопросов будут разрешены до конца. Короче, наш предмет опять оказался на поверхности, и любая книга о нем, подобная настоящей, написанной в 1962 г., требует коренного пересмотра и модернизации.

Большинство изменений пришлось на две последние главы книги, повествующие о кейнсианской экономической теории и методологии. Действительно, эти главы полностью переписаны в свете современных дискуссий относительно неравновесной интерпретации Кейнса Клауэром-Лейонхувудом и дебатов о структуре научных революций среди философов науки. Я до сих пор убежден, что вопросы относительно значения экономической теории должны задаваться в конце, а не в начале изучения истории экономической мысли. Тем не менее возрастающее число методологических проблем анализируется ныне по всему тексту, и подытоживается в "Методологическом постскриптуме", которым завершается книга. Кроме радикального пересмотра последних двух глав, глава 4 о Рикардо теперь сопровождается рассмотрением классической книги Сраффы *"Production of Commodities by Means of Commodities"* (1960), которая по справедливости может быть охарактеризована как учение Рикардо в современных одеждах. Глава 7 о Марксе также местами переработана, чтобы учесть удивительное омоложение марксистской экономической теории в последние годы. Посткейнсианская теория распределения Робинсона, Калдора и Пазинетти заставила нас снова задуматься о так называемой **"теории** распределения на основе предельной производительности", что привело к дальнейшим изменениям в главе 11. Подобно этому нескончаемые дискуссии, которыми были заполнены журналы на протяжении последних лет, изменили наше видение австрийской теории процента на капитал, и эта новая перспектива отражается в обострении спорных вопросов, поднятых в 12-й главе. Конечным результатом является книга, сохраняющая дух первого издания, но приспособленная к теоретическим потребностям скорее 1970-х годов, чем 1960-х.

В 1962 г. библиографии по истории экономической мысли публиковались редко, и мои обширные "Рекомендации к дальнейшему чтению" в конце каждой главы, можно сказать, удовлетворяли реальные потребности. Однако появление вскоре *"History of Political Economy"* — первого специального английского журнала по истории экономической мысли, а также книжных списков и извлечений из статей в *"Journal of Economic Literature"* вместе с опубликованным *"Index to Economic Journals"* в четырнадцатитоме (охватывающих период с 1886 по 1972 г. и содержащих именной и предметный указатели) упростило проблему с литературой. Сегодня студенту в поисках необходимого материала для чтения было бы лучше, пропуская мои "Рекомендации", обратиться прямо к 135 страницам библиографии к работе *H. W. Spiegel "The Growth of Economic Thought"* (1971), которая содержит почти все, на что я ссылаюсь, и многое сверх того. Тем не менее я не отказываюсь от "Рекомендаций к дальнейшему чтению" в настоящем, третьем издании книги — отчасти потому, что читатель может пожелать узнать мои личные предпочтения относительно вспомогательной литературы, а отчасти потому, что "Рекомендации" служат мне в качестве сноска к тексту, представляя собой не только список того, что я рекомендовал другим, но также и круг работ, которые особенно повлияли на меня в процессе написания этой книги. Однако при пересмотре и усовершенствовании этих библиографических заметок я стал разборчивее, чем прежде, зная, что дотошные читатели имеют возможность обратиться к энциклопедическому перечню книг и статей.

За прошедшие годы я получил много не очень требовательных, а скорее доброжелательных отзывов от различных читателей, некоторые из них указывали на погрешности, опечатки и явные ошибки в тексте. Они слишком многочисленны для упоминания.

XXX

Экономическая мысль в ретроспективе

нания, но я чувствую себя в особом долгу перед Д. Хэмблином за его внимательное прочтение предыдущего издания и перед С.П. Херси за подобное усердие в отношении настоящего издания.

*Лондон, Англия
Декабрь 1976г.*

МАРК БЛАУГ

Предисловие

Четвертое издание

Меня иногда спрашивают: "Как следует читать эту книгу?" "От начала до конца" — вот мой ответ. Тем не менее он никогда не удовлетворяет читателей с раздражающей привычкой углубляться в книги, непоследовательно пролистывая главы в разных местах книги. Таким читателям я должен со всей настойчивостью заявить, что система аргументов выстраивается постепенно и что в последующих главах не требуют доказательства положения, обоснованные в главах предшествующих: я снабдил многочисленными комментариями то, что обсуждалось вначале, но не в состоянии обеспечить каждую главу всем необходимым и потому сделать независимой от остального текста. Таким образом, беспорядочный читатель дорого платит за свою привычку.

Однако для тех, кто упорствует в желании начать с середины книги, сообщаю, что естественными блоками этой работы являются главы 2—7 о классических экономиках, главы 8—14 о неоклассиках и главы 1, 5, 15 и 16 о монетарной теории и макроэкономике. Глава 17 — последняя — стоит особняком и служит комментарием к 250-летнему теоретизированию в экономике.

Основные изменения в этом издании пришлись на последние главы книги — о количественной теории денег и кейнсианской экономической теории. Я учел возвышение "**монетаризма**" и "новую классическую макроэкономику", придавая особое значение связям между этими современными разработками и более старыми **монетарными** экономическими теориями Юма и Рикардо. Непрерывно возобновляющиеся дискуссии о том, "что в действительности имел в виду Кейнс", участились в 1970-х годах, как будто течение времени скорее осложнило, чем смягчило, проблему осмысления аргументов Кейнса. Результатом этого явился значительный пересмотр главы о Кейнсе, обозначивший следующие один за другим этапы истории интерпретации Кейнса за почти **50-летний** период. Я решительно сократил последнюю главу о методологии, так как она дублирует более подробное обсуждение этих проблем в моей книге "*The Methodology of Economics*" (1980). Включена совершенно новая глава по истории теории размещения — предмета, почти полностью упущенного в книгах по истории экономической мысли, который по праву представляет большой интерес сам по себе, а также служит для объяснения возникновения современной теории урбанизации и региональной экономики как специальных областей исследования. Сделаны незначительные вставки в более ранние главы о Рикардо и Марксе, а также весьма важные добавления в срединные главы о предельной производительности и экономической теории благосостояния, такие, как новые разделы об истории концепции предпринимательства и современных достижениях в непрекращающейся полемике о ценообразовании на коммунальные услуги на основе предельных издержек. И, конечно, тщательно усовершенствованы "Рекомендации к дальнейшему чтению". В добавление к таким специфическим изменениям текст в этом издании сокращен и упрощен в различных местах, где более ранние варианты оставляли желать лучшего с точки зрения ясности.

Я надеялся сделать четвертое издание короче третьего, но удовольствие от добавлений так велико и так велики огорчения от сокращений, что в конце концов я довольствовался лишь тем, что не увеличил объем и так слишком большой книги.

Лондон, Англия
Февраль 1984г.

МАРК БЛАУГ

Введение. Есть ли прогресс в экономической науке?

Перед вами критическое исследование теорий прошлого; оно сосредоточено на теоретическом анализе наследия ведущих экономистов и оставляет в стороне их жизнь, интеллектуальное развитие, их предшественников и их эпигонов. Критика предполагает наличие критериев оценки, и мои критерии — это мерки современной экономической теории. Вряд ли об этом стоило бы говорить, если бы не тот факт, что некоторые авторы работ по истории экономической мысли предлагали оценивать прошлые теории по их собственным меркам. Буквально говоря, это невозможное мероприятие, так как оно подразумевает, что мы можем стереть из нашей памяти знания современной экономики. Однако они хотели сказать, что идеи следует взвешивать благожелательно и в контексте их собственной эпохи, чтобы история экономической мысли не выродилась в скучное упражнение во всезнании. Опасность высокомерного отношения к авторам прошлого, конечно, реальна, но таково уж почитание предков. Действительно, всегда существует два вида опасности при оценке работ ранних авторов: одна — видеть только их ошибки и недостатки без учета таких объективных ограничений, как состояние анализа, с которого им пришлось начинать, и исторические условия, в которых им довелось работать; другая опасность — возвеличивать их достоинства в стремлении открыть идеи, опередившие их время, а часто и их собственные намерения. Изложим это несколько иначе: существует анахронический грех оценки прошлых авторов критериями современной теории, но существует также и то, что Самуэльсон однажды назвал "изошренным анахроническим грехом непризнания адекватного содержания в работах старых авторов из-за того, что они не используют терминологии и обозначений нынешнего времени". В качестве примера первого случая можно привести реакцию Лигу на просьбу отрецензировать работу "Теории ценности до Адама Смита": "Эти исследования антиквариата — невелика приманка для того, кому и современные исследования трудно читать, тем более тратить время на изучение решений, предложенных столетия назад и, как всем известно, неадекватных". В качестве примера последнего случая возьмите первую страницу любой докторской диссертации по работам забытых предшественников.

Конфликт между теми, кто рассматривает раннее экономическое учение как просто "неверные мнения умерших людей", и теми, кто усматривает в нем хранилище ряда проницательных предвидений, простирается далеко за пределы экономики. Это — основополагающее разделение в подходе к истории мысли вообще. При небольшой подготовке по немецкой философии этот конфликт можно представить в виде двух полярных противоположностей — абсолютизма и релятивизма. Релятивист рассматривает каждую отдельную теорию, выдвинутую в прошлые эпохи, как более или менее точное отражение тогдашних условий — каждая теория в принципе равно оправдана в своем собственном контексте; абсолютист же следит только за строго интеллектуальным развитием предмета, которое он рассматривает как неуклонный прогресс от ошибки к истине. Релятивисты не могут классифицировать теории различных периодов в терминах "лучше" или "хуже"; абсолютисты не могут удержаться,

чтобы не делать этого. Сегодня, конечно, мало кто из комментаторов придерживается какой-нибудь из этих позиций в столь крайней форме, но почти каждого историка по экономической мысли можно отнести к тому или иному полюсу своеобразного континуума подходов к теориям прошлого.

Любую из двух точек зрения можно дробить и дальше. Один вариант релятивистской позиции, например, заключается в том, что идеи экономистов суть не что иное, как разумное обоснование классовых или групповых интересов или, сделаем еще шаг вперед, подобие аргументированных выступлений прокуроров и защитников, преследующих на деле своекорыстные цели.

Такова доктрина **"идеологии"** или "ложного сознания", которая в своей марксистской **форме** навсегда отождествляет идеологическое предубеждение с апологетическим намерением, хотя оба они никоим образом не равнозначны. Первое издание работы Э. Ролла "История экономической мысли" (1939) совершенным образом подтверждает этот подход, хотя в более поздних изданиях автор не идет дальше заявлений о том, что изменения в экономических институтах оказали "огромное влияние" (голословное утверждение!) и на экономическое мышление. Релятивизм доводится до крайности в работе В. Старка "История в своей соотнесенности с социальным развитием" (1944), которая рассматривает теории как немногим более чем зеркальное отражение своего мира. Например, нас просят поверить, что Рикардо имел основания отстаивать трудовую теорию ценности в 1817 г., потому что в то время основной капитал использовался мало, но когда три года спустя он смягчил эту теорию, он просто "уступил победному маршу механизации" *. Особенно неубедительную версию релятивистской интерпретации можно найти в исследовании Л. Роджина "Смысл и истинность экономической теории" (1956)

При оценке справедливости экономической теории релятивистам всегда приходится игнорировать условия внутренней связности круга вопросов, внутри которого эта теория может иметь смысл, и сосредоточивать внимание только на соответствии **ее** с исторической и политической обстановкой. Но **Роджин** идет дальше и утверждает, что объективное значение определенной экономической теории кроется в ее рекомендациях по практической политике; что еще хуже, так это то, что он, кажется, имеет в виду не логические следствия из теории, **приложимые** к политическим проблемам своего времени, а скорее политические следствия, как они представляются экономисту XX века, пишущему под влиянием Великой депрессии. Порочность такого подхода в целом видна из того, что редко экономические теории разрабатываются для достижения конкретных политических выводов — напротив, вновь и вновь экономисты рекомендовали и рекомендуют диаметрально противоположные политические меры, ссылаясь на авторитет одной и той же теории.

В своих умеренных версиях релятивистское разъяснение может привести к действительно ценному сплаву истории экономической мысли с историей политической и моральной философии на фоне экономической и политической истории. Одним из лучших примеров такого широкого подхода являются лекционные заметки В.К. Митчелла "О видах экономической теории" (1949), где концепция **"перехода"** идей одна в другую и развития этих идей последующими **поколениями** сознательно снижается как "интеллектуальный трюк". Эту же точку зрения поддерживает А. Грей в восхитительном вступительном обзоре к работе "Развитие экономического учения" (1931): "Экономическая наука, если является таковой, отличается от других наук тем, что в ней нет неизбежного перехода от меньшей к большей достоверности; в ней нет неумолимого **стремления идти** до конца, к истине, которая, будучи однажды раскрыта, будет истиной на все времена, к полному замешательству любого противоположного учения". Если взглянуть на более поздние работы Митчелла или книгу Грея о периоде после 1870 г., сразу же видно, в чем ошибка такого рассуждения. Экономика стала

* Более поздняя книга Старка **"Социология знания"** (1959), действительно питающая мысль, позволяет думать, что он уже не придерживается столь крайней позиции. (Здесь и далее звездочками помечены примечания Автора. Цифрами помечены примечания научных редакторов, помещаемые в конце каждой главы. — *Ред.*)

академическим предметом **лишь** в 1880-е годы и **с тех** пор, возможно впервые, "переход от одной идеи к другой" все-таки господствовал в развитии предмета. Ни один релятивист не оказался в состоянии осуществить институциональную или историческую трактовку развития теории после классической эры, которая завершилась около 1870 г.: они либо, как Митчелл и Грей, пренебрегают современным периодом, либо, как Ролл и Роджин, уходят от своей позиции в трактовке экономических идей после 1870 г.

Вообще говоря, абсурдно полагать, что только экономическая и социальная история может предоставить ключ к интеллектуальным переменам в таком предмете, как экономика. Многие релятивисты заявляют только, что экономисты всегда пишут *sub specie temporis*¹ и что знание превалирующего исторического контекста "озаряет" теории прошлого. Это очевидная правда, но интересно, почему необходимо это так настойчиво доказывать, **если** это только не хитроумная комбинация с целью заставить нас забыть, **что** идеи имеют свою собственную движущую силу. Как заметил Джейкоб Вайнер, релятивизм часто доходит до своего рода подтасовок с исторической необходимостью.

Из доктрин, сообща разделяемых ими, экономические историки, кажется, извлекают заключение, что при наличии достаточной информации господство определенной теории в любой период можно было бы объяснить в свете преобладавших тогда жизненных обстоятельств. Курьезный вывод из этого состоит в том, что и их самих также можно оправдать путем апелляции к таким особым обстоятельствам. Есть некоторые очевидные препятствия тому, чтобы принять такую точку зрения. Она привела бы к заключению, что ни один век, кроме, пожалуй, нынешнего, не может совершить серьезной теоретической ошибки. Эта точка зрения пренебрегает тем фактом, что одним из исторических обстоятельств, претерпевшим эволюцию, стала способность к экономическому анализу ("Исследования по теории международной торговли", с. 110).

Никакие предположения об экономическом поведении не являются абсолютно верными и никакие теоретические заключения не являются действительными на все времена и повсеместно, но будет ли кто-нибудь всерьез отрицать, что в вопросе методов и аналитических построений в экономической науке был достигнут прогресс? Например, Адам Смит надежно ухватил способ, каким рыночный механизм способен координировать независимые решения продавцов и покупателей, но от него ускользнуло нечто столь принципиальное, как функциональное отношение спроса и цены. Ему никогда не приходило в голову, что можно точно показать, в каком смысле децентрализованная экономика дает оптимальные результаты, и потребовалась сотня лет, прежде чем Вальрас, Маршалл, **Пигу** и Парето выявили логику суждений Смита о деятельности "невидимой руки". Мысли, подобные этим, рождают абсолютиста, который взирает с нынешних высот на ошибки старых авторов и не может удержаться от заключения, что истина в значительной степени концентрируется в предельном приращении к экономическим знаниям.

Очень похоже на то, что абсолютисты появляются на свете от чрезмерного чтения трудов релятивистов. В наши дни трудно оценить, насколько свежим — для поколения, воспитанного на релятивистских текстах Бланки, Рошера, Инграма и Косса, — был иконоборческий подход Кэннана в его известной книге "История теорий производства и распределения" (1893) — подлинном каталоге элементарных ошибок великих экономистов. Тем не менее признание того, что экономическая теория действительно добилась прогресса, не должно затмевать слишком неравномерную степень улучшений, которые стали олицетворением истории аналитического прогресса в экономике. Общее проникновение в чистую логику системы ценообразования обусловило то, что эти достижения оказались включенными в определенную теоретическую конструкцию, связанную с условиями и проблемами, присущими своему времени. Поскольку масса идей отступает под натиском критики, многое из того, что еще остается ценным, отвергается в атмосфере восторга в связи с последним новшеством. В результате история экономики является не столько хронологическим изложением непрерывного накопления теоретических достижений, сколько рассказом о преувеличенных интеллектуальных революциях, в которых уже известные истины отвергаются в пользу новых открытий. Поистине иногда кажется, будто экономика продвигалась

вперед, влекомая чувством симметрии, которое требует, чтобы каждая новая теория всегда была точной противоположностью старой.

В первой половине XIX в. сама экономика рассматривалась как исследование "природы и причин богатства народов" (Смит), "законов, которые регулируют распределение произведенного на земле" (Рикардо) и "законов движения **капитализма**" (Маркс).

Однако после 1870 г. экономику стали рассматривать в качестве науки, которая анализировала "человеческое поведение как отношение между данными целями и ограниченными средствами, имеющими альтернативные возможности применения" — удачное определение, сформулированное в 1932 г. Роббинсом: при буквальном понимании этой дефиниции многое из происшедшего ранее теряет право называться экономической наукой. После двух столетий заботы об увеличении ресурсов и росте потребностей с 1870 г. экономика стала в основном исследованием принципов, управляющих эффективным распределением ресурсов при условии, что и ресурсы, и потребности заданы заранее. Классическая экономическая теория была настолько же макро-, насколько и микроэкономикой; неоклассическая теория была уже только микроэкономикой; макроэкономика вновь обрела себя при посредстве Кейнса и в течение десятилетия или около того фактически заменила микроэкономiku. Сомнительно, могут ли подобные драматические сдвиги фокусировки объясняться только в терминах интеллектуальных сил, как это склонны доказывать абсолютисты. В конце концов даже простая экономическая теория создается для того, чтобы пролить свет на актуальное поведение экономической системы. Должно ли такое крутое изменение акцентов, как в случаях "маржиналистской революции" или "кейнсианской революции", обязательно быть связано с переменами в институциональной структуре общества и появлением новых практических проблем?

Одна из возможностей состоит в том, что такие изменения акцентов внутри экономической науки вызваны переменами в философских позициях или доминантных способах рассуждения. Именно в противовес этому релятивистскому толкованию Шумпетер и настаивал на строго автономной природе экономической науки. Хотя политические предпочтения и философско-ценностные ориентации экономистов и посягают на развитие экономической науки, заявил он, они абсолютно не воздействуют на нее: "Экономический анализ никогда не формировался с помощью философских мнений, которые, случается, бывают у экономистов". Это образец безоглядного "позитивизма", выказанного во вступлении к его монументальной "Истории экономического анализа" (1954), фактически он не выдерживается в основной части текста, половина которого отведена историческому повествованию, политической теории и философскому общественному мнению, вероятно, из-за их причастности к экономической теории. При близком рассмотрении оказывается, что Шумпетер имел в виду не то, чтобы экономический анализ был *логически* независим от философии, а, скорее, что философские убеждения экономистов не имеют отношения к обоснованности выдвигаемых ими экономических гипотез. Последнее мнение уж слишком хорошо воспринимается. Свидетельство тому — многочисленные псевдообъяснения, рассматривающие историю экономической мысли в плане борьбы между соперничающими философскими принципами, например "индивидуализм" против "универсализма" (Спанн О. История экономики, 1930), или биологический взгляд на экономическую систему как на организм в противовес механическому взгляду на систему как на машину (Хейманн Э. История экономических учений, 1945), или, коли уж на то пошло, аксиологически нейтральная социальная наука в противовес перегрузке оценочными подходами (блестящая работа Г. Мюрдаля "Политический элемент в развитии экономической мысли", 1953; в книге высмеиваются попытки освободить экономику от **ценностных** суждений и косвенно осуждается всякий анализ, который на проверку оказывается связанным с философскими или политическими предубеждениями).

Но почему в самом деле нужно ограничиваться философскими или политическими пристрастиями? В. Вайскопф в "Психологии экономики" (1955) подвергает великих экономистов психоанализу, открывая, например, новый смысл в известном замечании

Петти, что "земля — это мать, а труд — это отец **ценности**"². Для **Рикардо** и Мальтуса, отмечает он, плодovitость женщин и скудость Матери Земли — вот где коренятся все экономические невзгоды, в то время как единственным источником ценности является "мужской" фактор труда. Но это как раз то, чего мы могли бы ожидать от мышления людей патриархальной цивилизации, заключает он, ликуя. Нельзя исключить, конечно, что знание психологических причуд великих экономистов могло бы по-новому высветить их теории, но выводить эти теории из психологической ассоциации слов значит пренебрегать систематическим логическим характером и эмпирическим содержанием экономического анализа.

Можно допустить, что даже в самом чистом своем виде экономическая теория неявно содержит политические примеси и в этом смысле работает на политическую пропаганду того или иного типа. Этот элемент пропаганды — неотъемлемая часть предмета, и даже когда мыслитель усердно сохраняет чувство олимпийской беспричастности, философские и политические предпочтения присутствуют в самом начале анализа при формировании того, что Шумпетер определил бы как его "видение", имея в виду преданалитический акт выбора определенных черт реальности для рассмотрения. Здесь проблема не в отрицании наличия пропаганды, а в отделении научных идей от идеологии, в которую они постоянно включены, и в представлении этих идей для научной проверки с целью их утверждения. Более того, пропаганда — это не то же самое, что ложь; к примеру, сказать, что Карл Маркс хотел дискредитировать капитализм и начал с предубеждений в отношении его недостатков, не означает, что по этой причине его анализ ничего не стоит. Политические предрассудки могут даже помогать научному анализу — критик капитализма, скорее всего, обратит больше внимания на действительные недостатки системы, и, конечно, не случайно замечания того же Маркса по поводу экономических циклов на пятьдесят лет опередили его время.

Задача историка экономической мысли — показать, как определенные предубеждения ведут к различным видам анализа, а затем задаться вопросом, сохраняет ли этот анализ свое значение, если его освободить от идеологической подкладки. Вряд ли Рикардо развил бы свою теорию международной торговли без сильной антипатии к классу лендлордов; но эта теория выжила, оставшись и без его предубеждений. Однако, когда дело дошло до доказательства, что лендлорды не заинтересованы в проведении сельскохозяйственных улучшений, идеологическая предвзятость не позволила ему прийти к верному результату, т.е. верному, исходя из его собственных предпосылок. История экономической мысли полна подобных примеров, и ничего не добьешься, коллекционируя плоские обобщения о взаимосвязи между ценностными суждениями отдельных экономистов и качеством их теоретической работы. Пропаганда и идеология присутствуют всегда, но таков уж порядок, которого требуют правила научной процедуры, введенной в экономике привычками поколений, — экономическая наука всегда цепляется за предрассудки вчерашнего дня.

Проблемой, которая дала первоначальный импульс экономической науке, той "**тайной**", что пленяла Адама Смита так же, как и любого современного экономиста, является проблема рыночного обмена: в экономической вселенной присутствует ощущение порядка, и этот порядок не навязан сверху, а каким-то образом является результатом обменных сделок между отдельными лицами, причем каждая из сторон стремится максимально увеличить свою собственную выгоду. Таким образом, история экономической мысли — не что иное, как история наших попыток понять действие экономики, основанной на рыночных операциях. Но хотя общепринятое учение всегда было связано с анализом рыночных систем, структура этих систем со временем значительно изменялась, и, чтобы пролить свет на эти изменения, каждое поколение применяло различные концепции и методы анализа. Невозможно применять выводы, полученные одним методом анализа, соответствующим определенной экономической обстановке, для **вынесения** суждений по результатам другого метода, соответствующего иной обстановке, — одну **модель** нельзя использовать для оценки другой модели. Не попадаем ли мы тогда в объятия релятивизма? Есть ли наверняка универсальные критерии, которые можно применять ко всем теориям?

Нам достаточно часто говорили, что наука представляет собой бесконечный процесс попыток опровержения гипотез. В этом смысле объем приемлемых экономических знаний в любой момент охватывает все теории, которые еще не опровергнуты. Но как опровергаются экономические теории? Огромная трудность проверки **экономической** теории — что старой, что современной — заключается не столько в невозможности проведения контролируемых экспериментов и тем самым установления истинности теорий раз и навсегда, а скорее в том, что при отсутствии подходящих лабораторных условий экономисты (а коли на то пошло, и все исследователи в общественных науках) не могут прийти к согласию по поводу определенных эмпирических критериев для опровержения гипотез. Хуже того, они часто расходятся во мнении в отношении фундаментальных характеристик теории. Например, была ли неоклассическая теория совершенной конкуренции выдвинута в качестве гипотезы о том, как на самом деле действуют фирмы и частные хозяйства, или **же она** была предназначена для обеспечения идеальных критериев оценки того, действовали ли **они** так, как им подобает? Если правильным толкованием будет первый вариант, то сравнение с наблюдаемым рыночным поведением действительно является проверкой надежности теории, но если правилен второй вариант, то тот факт, что ни одна из существующих рыночных структур не соответствует заложенным в теории условиям, является вызовом экономической политике. Конечно, теория совершенной конкуренции **может** быть как "позитивной", так и "нормативной", в зависимости от цели, ради **которой** она применяется. Позитивные теории об общественном строе по сути своей не могут быть опровергнуты окончательно только одним неблагоприятным результатом. Элемент оценки неизбежно становится частью их анализа, и именно по этой причине релятивисты и абсолютисты могут продолжать спор о верности теории сравнительных издержек или уместности трудовой теории ценности. С другой стороны, нормативные теории никогда не могут быть оценены эмпирически. Чтобы еще больше запутать дело, в экономике существует много примеров теорий, которые выглядят ни позитивными, ни нормативными, а просто таксономическими, предлагающими хорошо разработанный набор полочек, по которым могут быть рассортированы экономические феномены. Теория общего равновесия Вальраса является тому превосходным примером. Должны ли мы безжалостно устранять все подобные теории в интересах "принципа возможной **опровергаемости**"?

История экономической мысли — это испытательная площадка для ответа на такие вопросы. В какой мере экономическая наука есть просто закамуфлированная таксономия? Как экономисты реагировали на нормативные теории? Какие позитивные теории были опровергнуты путем сравнения их предсказаний с действительным миром? Ответы кроются в том, чем была и остается экономическая наука, а **то, чем** она является сейчас, формируется опытом прошлых поколений.

Мы начали с заявления: "Критика предполагает наличие критериев оценки, и мои критерии — это мерки современной экономической теории". Все сказанное затем наглядно демонстрирует, что даже это невинное высказывание подлежит множеству толкований, и действительно, порой совсем не очевидно, что это означает — применять мерки современной экономической науки. Где те критерии, которые мы все сейчас принимаем? Не здесь ли причина, по которой нам все еще необходимо терзаться историей экономической мысли?

Итак, все-таки есть ли прогресс в экономической науке? Ясно, что ответом будет "да" — аналитический инструментarium постоянно совершенствовался и наращивался; эмпирические данные все в большей и большей степени упорядочивались и выстраивались для выверки экономических гипотез; **метаэкономические** предубеждения неоднократно разоблачались и отделялись от сути теорем, которые можно проверить и которые лишь запутывались этими предрассудками; и работа экономической системы понимается лучше, чем когда-либо ранее. И все-таки релятивисты в чем-то правы. Развитие экономической мысли не происходило в виде однозначно линейного движения к нынешним истинам. В процессе этого развития было много окольных движений и отклонений, навязанных запросами времени и места. Следовательно, принимаем мы

релятивистское или абсолютистское толкование предмета, это целиком зависит от вопросов, которые мы хотим поставить. Если комментатор стремится объяснить, почему определенные люди придерживались определенных идей в определенное время, в поисках полного ответа он должен выглянуть за рамки области интеллектуальных споров. Но если он желает узнать, почему некоторые экономисты в прошлом придерживались трудовой теории ценности, тогда как другие полагали, что ценность определяется полезностью, — и все это не только в одно и то же время и в одной и той же стране, но и в различных странах и поколениях, — то он вынужден сосредоточить внимание на внутренней логике теории, волей-неволей становясь абсолютистом.

Если в следующих главах мало сказано о *Zeitgeist*, социальной среде, экономических институтах и философских течениях, то это не потому, что эти темы не важны, а потому, что они выходят за рамки нашего исследования. Что знают экономисты? Как много объясняет экономическая наука? Каковы критерии, по которым принимались или отвергались экономические теории? Каковы характерные черты устойчивых экономических идей? Каково практическое использование экономических знаний? Таковы вопросы, к которым обращается эта книга. Мы вернемся к этим вопросам в последней главе. Но, конечно, ответы будут возникать постоянно, начиная с первых страниц и до последних.

РЕКОМЕНДАЦИИ К ДАЛЬНЕЙШЕМУ ЧТЕНИЮ

Выдающейся работой по различным темам, затронутым в этом вступлении (Почему мы занимаемся историей экономической науки? Является ли экономика наукой? Чем отличается история экономического анализа от истории экономической мысли?), является книга Й.А.Шумпетера "История экономического анализа" (*History of Economic Analysis*. 1954), часть 1, главы 1, 2, 3 и 4, особенно глава 4. Мы так часто будем ссылаться на эту книгу, что, возможно, уместно сказать, что этот несомненный шедевр полон **предвзятостей** и **идиосинкразий**, и каждый студент, обнаруживший, что он испытывает перед ней благоговейный страх, должен обеспечить себя противоядием: посмотрите основные обзорные статьи Дж. Вайнера (*AER*. Декабрь 1954), а также Л. Робинса (*QJE*. 1955), перепечатанные в его сборнике "Эволюция современной экономической теории" (*Evolution of Modern Economic Theory*. 1970), а также отклики Ф.Х. Найта (*SEJ*. Январь 1954), О.Х. Тейлора (*REStat*. Февраль 1955), И.М.Д. Литтла (*EHR*. Август 1955), Дж. Б. Ричардсона (*OEP*. Июнь 1955), В. Старка (*KYK*. XII, 1, 1959) и Р.Л. Мика (*SJPE*. Февраль 1957). Посмотрите также работу Д.Ф. Гордона "Роль истории экономической мысли в понимании современной экономической теории" (*The Role of the History of Economic Thought in the Understanding of Modern Economic Theory I AER*. Май 1965), а также работу Ф.В. Фертера "Отношение истории экономической мысли к экономической истории" (*The Relation of the History of Economic Thought to Economic History*. Там же).

Те, кто желает углубиться в разграничение между релятивизмом и абсолютизмом, должны сравнить различия в толковании определенных авторов и учений во многих доступных работах по истории экономики; этой теме не хватает критического обзора такого рода, который можно было бы рекомендовать изучающему предмет. Для начала неплохо проконсультироваться с работой О. Попеску "Об историографии экономической мысли: библиографический обзор" (*JWH*. VIII, 1, 1964. *On the Historiography of Economic Thought: A Bibliographical Survey*), в которой насчитывается и обсуждается что-то около ста исторических исследований в период между 1824 и 1963 гг. Дж. Дж. Шпенглер в работе "Экзогенные и эндогенные влияния в формировании экономической мысли после 1870 года", "События, идеология и экономическая теория" изд., Р.В. Игли (1968) (*"Exogenous and Endogenous Influences in the Formation of Post-1870 Economic Thought", Events, Ideology, and Economic Theory*) убедительно доказывает, что профессионализация экономики после 1870 г. усиливает абсолютистское толкование современной экономики. Эту аргументацию продолжают А.Ф. Чалк "Релятивистский и абсолютистский подходы к истории экономической теории" (*Relativist and Absolutist*

Approaches to the History of Economic Theory // *SQ*, 48, 1967); Дж. Дж. Шпенглер "Экономика: ее история, темы, подходы" (*Economics: Its History, Themes, Approaches* // *JEI. Mapm* 1968) и К. Д. Гудвин "К теории истории экономики" (*Toward a Theory of the History of Economics* // *HOPE*, зима 1980). Контраст между релятивистским и абсолютистским толкованиями прекрасно показывает работа Дж. Робинсон "Экономическая философия" (*Economic Philosophy*, 1962). Эта пронизанная энергией и самоуверенностью книжечка могла бы служить вступлением ко всему предмету, если только студента не обескуражит ее глубоко циничный тон. Робинсон прослеживает развитие экономики от классических авторов, неоклассических экономистов и до последователей Кейнса, показывая, как экономика отражала иногда социальные условия, иногда политические пристрастия времени, но почти всегда (а это ее основной тезис) подчеркивая метафизические предположения и идеологические предубеждения. Все зависит от того, что имеется в виду под словом "отражала"; в ее подходе трудно увидеть, в чем отличие (если оно существует) научной экономической теории от идеологической.

Д.Н. Уинч в работе "Какова цена истории экономического мышления?" (*What Price the History of Economic Thought?* // *SJPE*. Ноябрь 1962) объясняет ослабление интереса к истории экономической мысли после второй мировой войны. Он сожалеет об историях экономического анализа, которые опускают все, что заинтересовало бы историка или изучающего социальную мысль, иными словами, такие книги, как эта, которые, как он утверждает, поощрили безразличие к работам великих экономистов. В этом его поддерживают Л. Наберс в работе "Позитивные и генетические подходы. Структура экономической науки. Очерки по методологии" (*The Positive and Genetic Approaches, The Structure of Economic Science. Essays on Methodology*, изд. С.Р. Крупп, 1966) и У. Дж. Сэмюэлс "История экономической мысли как интеллектуальная история" (*The History of Economic Thought as Intellectual History* // *HOPE*, осень 1974). Б.А. Корри в работе "Следует ли экономистам оставить НАДЕЖДУ?" (*Should Economists Abandon HOPE?* Там же, лето 1975), К.Е. Боулдинг в работе "После Самуэльсона кому нужен Адам Смит?" (*After Samuelson, Who Needs Adam Smith?* Там же, 1971, перепечатана в *ASCA*, III) и Р.Л. Хайлбронер в работе "Современная экономика как глава в истории экономической мысли" (*Modern Economics as a Chapter in the History of Economic Thought*. Там же, лето 1979) доказывают другой случай, но все они согласны, что часть проблемы кроется в том, как изучалась история экономической мысли. Достаточно сказать, что может быть множество подходов к истории экономики, и для меня совсем не очевидно, что строгий абсолютизм нанес больше ущерба предмету, чем поверхностный релятивизм. Но пусть спор продолжается, т. е. спор о том, чем должна быть история экономической **мысли**.

Примечания

"С позиции своего времени". Парафраз известного латинского выражения *sub specie aeternitatis* — "с позиции вечности".

У Петти написано: "земля — это мать, а труд — отец богатства" (см. его **"Трактат"** о налогах и сборах).